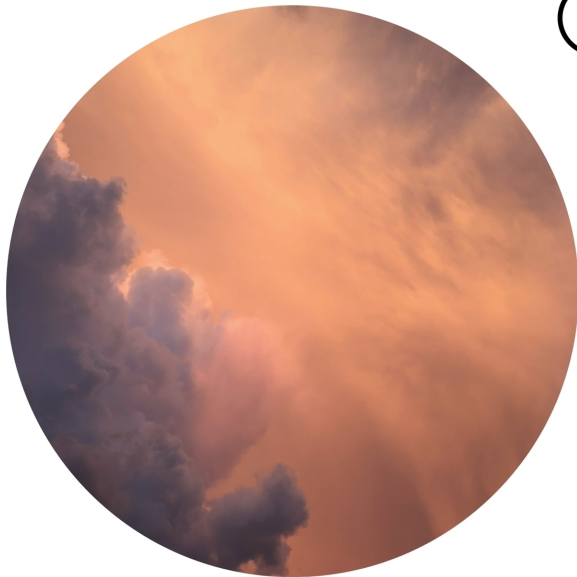

Варвара Еврейская

12+

Думать чувства. Избранное

Варвара Еврейская

Думать чувства. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57191178

SelfPub; 2020

Аннотация

Это первая книга. Это первая книга коротких рассказов, экзистенциальных зарисовок, можно так. Лирический герой настолько занят своими мыслями и созерцанием, что давно не помнит собственный гендер, не имеет имени, возраста, серьёзных социальных связей и трудовой книжки. Вырисовывая словесными играми картину мира, изучая дотошно смыслы, подчеркивая красным слабости и недостатки человека, веря всё же в светлое, ищет его форм и зовов во всём, даже в полном отчаянии и болезненной оторванности. И если чувствовать чувства у него не получается, получается их думать и заполнять ими свои дневники.

Содержание

Думать чувства с 2016 по 2018	4
Спустя	4
Барселона	6
Схватки	8
Ничто	12
Отец	14
Думать чувства с 2019 по 2020	20
Back	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Думать чувства с 2016 по 2018

Спустя

Какой-то неопрятный ребёнок бросил в меня мандарином и истерически засмеялся, размахивая кривыми ногами. Приближается Новый год. Я понял, спасибо.

Вокруг очень много светящегося: лица молодых девушек, которые считают, что им идёт праздничная улыбка, ценники, приклеенные к самым популярным товарам, типа шампанского и красной икры, огни вывесок и витрин, резко контрастирующие с серостью под ногами. И когда плавно проезжаешь вдоль этого светящегося пояса и рассеянно смотришь на него сквозь грязное окно автобуса, хочется сморгнуть то ли эту муть, то ли спросить морганием у всех этих огней, о чём они.

Совсем скоро мы встретимся. Через 10 приёмов холодной пищи, которые традиционно сопровождаются просмотром мультфильмов. Спустя 3 пачки сигарет. Пережив 5 ночей кровососущих снов с сосущими. Проехав около 100 бесцельных километров. Передумав прожитое, параллельно и по привычке осуждая этот процесс.

Переждав тысячу тоскливых вздохов. Злость на рождающуюся зависимость. Приступ милосердия к себе. Несколько

болезненных вестей...

А они все всё мигают, не уставая рождаться и умирать.

Барселона

Я буду там.

Нерешительно ёрзая на сидении, я стеснялся своего волнения. Предстоящие перемещения грозили новыми послаблениями внутренностей. А конец этого процесса может быть разным: либо ты обделаешься, либо тебя перестанет трясти в холодной воде.

Я смотрел в стеклянную дыру и видел, как крыло, будто нож в руках Дона Корлеоне, медленно и многозначительно скользит по мягкому маслу. Сам же я был твёрд. Во всех смыслах.

Тёмная вода то раздражённо отталкивала меня, то фигурно изгибалась вокруг, как молодая и пока ещё идейная стриптизёрша.

Я сидел на блестящем песке и, наверное, больше делал вид, что какие-то мыслительные платформы образую. Потому что кокаиновая истома этого города заставляет чувствовать себя самым несовершенным элементом всего окружающего. Беспомощным от восприимчивости. Не способным даже на инстинктивные действия.

Тёплая дорога уходит куда-то в высоту. Смесь растений, похожих на другие растения, бескомпромиссных тел в узких одеждах, вспышечных улыбок, контрастирующих с моей чёрной рубашкой, проносящихся машин и велосипедов,

запахов еды и веществ, танцевальной музыки и неизвестных языков. Она кружит тебя, как гончарный круг. И это кружение не поддаётся оценочности. Теперь оно тебе необходимо.

Ветер не имеет своего звучания. Он издаёт звуки того, что тащит на себе. Картонная коробка, скребущая асфальт, заставляет съёживаться от воспоминаний о моём городе, который долгие годы властно поедал меня десертной ложкой.

А теперь я нерешительно касаюсь своего механизма, находящегося между правым и левым полушарием, под затягивающее шипение воды, вычурных узоров где-то сверху и оставляющей ожоги лампы среди них с признанием одного: жизнь – это институт гедонизма.

И я буду там.

Схватки

Мокрый и размазанный, едешь в холодном чём-то, слушая подростковую музыку. Стало намного легче.

Январские схватки делали тебя стабильным, стабильно скрывающимся. На улице от мороза трещал даже асфальт, когда какой-то одинокий несчастный наступал на него, направляясь по приказу жены.

Ты заполнялся чувством презрения к себе. Этот персиково-лаймовый туман зимних рассветов покрывал твои зрачки и становился наваждением, как мороженое такого же цвета просится в неокрепшие руки начинающих людей.

Но ты слаб. Очевидный проигрыш природе.

А теперь наступила, будто разбуженная ударом, весна, напоминающая тайскую проститутку, которая, от количества укулов и мужчин, превратилась в сгусток без имени.

Бодрый голос по радио, заполненные бары, идущие в магазин за покупками семьи. Все подвижное. И я снова трясусь в заполненном воплями транспорте, думая о тишине. О той эротической тишине, которая нарушается только лёгким шорохом персиково-лаймового одеяла.

Ведь даже полумертвая весна – это время для чувства.

Нью-Йорк

Собака всегда грызёт свой поводок, даже если у неё самая упитанная и ухоженная попка среди местных сучек и кобе-

лей. Просто, из шалости. Просто потому, что это собака.

Я устал быть противно уставшим от праздности (иногда называю ее свободой, для вдохновения). Самая невыносимая усталость – от не занятости, лени, безразличия ко всему.

И я уехал. В город бездельников, которые делают слишком много всего, от чего он вопит 24 часа в сутки. В город мечтателей, которые не делали ничего, от чего он стал легендарным. (И теперь делает всё за них).

В Нью-Йорк.

Энергия. Так много человеческой энергии. Она с бесконтрольной силой сталкивается и яростно врежется в небо, своими брызгами покрывая всё: канаты старинных мостов, крыши исторических зданий, люки жёлтых такси, верхушки немногочисленных выживших деревьев, лениво дымящихся рядом с оранжевыми трубами рабочих, распахнутые гигантские окна ресторанов, истрёпанные флаги, головы беспечных туристов и то, что осталось от местных жителей.

Автобус грустно выдыхает, тормозя в Greenwich Village. Приехал, чтобы попасть под капли случайного кондиционера, как, возможно, какой-нибудь Боб Дилан, ходящий здесь взад и вперёд со своими манифестами. Или чтобы надраться дешёвым алкоголем в таверне «Белая лошадь» и в потёмках подсознания робко слушать стихи Дилана Томаса, представляя наше ликующее рукопожатие, полное тождественности мыслей.

Центральный парк зелен и чист. Идём дальше.

Пахнет свежим цементом. А нью-йоркские бабушки, прикрывшись жемчугом, читают книги, где только возможно (чудодейственная привычка).

Мои слова для кого-то, я сам, мои действия – смотанная проволока в центре зала, подвешенная к потолку. Кажется бредом и не вызывает доверия. Но. Для сматывающего – это важнее всего, может быть. Было важнее всего.

Вот так МоМА впервые заставил расплакаться.

Этот город очень мускулистый. Чувствуешь себя снова на последней парте. В вещах брата, замызганными ручкой руками запуганно вытирающего сопли (потому что весна и у тебя аллергия). А вокруг цветущие подростки, активно пахнущие и активно начинающие черстветь.

Здесь же ты сам справляешься с задачей немножко уничтожиться. Под чутким присмотром жестоких небоскребов и воды, стеклянной, пенящейся, такой естественной.

Сядишься у окна. Это паром.

Уже вечер, и внутри включили свет. Ты себя видишь, на расплывчатом силуэте отдаляющегося острова.

Это окно видело многих, но тебя оно запомнит точно.

Хотя бы оно.

Самолёт спокоен, как никогда прежде. Мои руки в тепле, а голова смиренно опущена на плечо. Она знает, что делать дальше.

Вставать на задние лапы и бежать к столу.

Писать.

Гудеть.

Дымиться.

Пениться.

Спешить.

Ничто

Шопенгауэру плохо без книг, Хайдеггеру без человека, Кафке без тишины, Цветаевой без страсти.

Эти ребята приучили меня, слишком впечатлительного мальчика лет двадцати пяти с особенной любовью к бутылке и онанизму, что всем необходимо зависеть. Упомянутые талантливые люди в своих трудах упустили одно: прежде – нужно Существовать.

Полная коллега бабушки, которая с детства приходила к нам домой, чтобы громко вздохнуть и пахнуть молоком, прошла мимо, не отреагировав на мое приветствие. Я грязный и злой, как и в пятнадцать. В чем дело?

Друзья приходят в дом, слушают музыку, курят в лицо студенткам медицинского, трогают их грудь руками с набухшими венами, разливают на пол джин без тоника. А я почему-то в это же время решаю оборвать засохшие листья (почти все имеющиеся) с единственного цветка в горшке.

Мама упорно настаивает на покупке машины в кредит и сближении с внучкой полной коллеги бабушки. Внучка любит цветы в горшке и мечтает об утреннем беге с фиолетовой коляской.

Ницше нуждался в маске, Достоевский в окнах, Куприн в трагедии, Моэм в красоте.

А я нуждаюсь в заботливом молчаливом хозяине, каким

был Сартр своему коту по имени Ничто.

Если вообще существую.

Отец

Здесь никто не говорит шёпотом. Эти люди давно разучились бояться того, что не может их убить: общественного мнения.

На улице солнце и холод. Особенно приятно лежать в кровати, упёршись в стекло, пока не заболит бок. Перевернувшись на другой, ощущать физическое наслаждение, которое на определённый период компенсирует скрученность внутри.

В последнее время, если напиваюсь, напоминаю себе пьяного отца. Всё детство ненавидел, когда он приходил, неуклюже разувался в коридоре, матерился в кухне, гремя крышками. А мама вздыхала и деловито поправляла растянутый заляпанный халат, недовольно перелистывая страницы эротического романа.

Больно ловить затылком такое совпадение.

С утра протянешь руку к подушке, чтобы извиниться. Перед собой и когда-то верившими в тебя людьми в Её лице. Но в доме пусто. И тогда обреченно тянешься к пыльному стакану с водой.

Решая отвлечься, невольно обрушиваешь на себя град мотивирующих статей. «Поставь цель», «Твердо прими решение изменить свою жизнь», «Докажи всем, что ты можешь», «Начни бегать» ... Знакомые купили квартиру, а ты вчера

подарил ей набор разноцветных жвачек и брелок в виде члена.

Соответствуешь прототипу, нуждающемуся в помощи.

За окном громко смеются две полные американки.

Включаешь любимый трек 2010-ого и пытаешься убедить себя душем, что с тобой не всё ясно, что ты не безнадежно-заблудившаяся бездарность. Что друзья всё те же, не продавшиеся, честные, что Бабушка обязательно когда-нибудь сделает свои фирменные котлеты для тебя и похвалит твою рубашку, а чувак с толстым кошельком и желанием помочь поднимет бровь от восторга, наткнувшись на разорванного неудачника, размазанного по буквам.

Отдавшись жестким струям воды и избивающим надеждам, не заметил, как громкий смех за окном сменился тишиной.

И песня закончилась.

Жалко забравшись под одеяло, написал в блокноте: «Я правда стараюсь».

И громко захлопнул его, швырнув к пыльному стакану.

Будут

Время выпускных – красивое время. И это я не про 2018-ый с отсылкой к 99-ому, благодаря безвкусным платьям на большинстве выпускниц. Это я про закаты, дожди и волнение нового неловкого движения, просачивающегося везде.

Между старой плиткой, зарастающей мхом, между панельками и ржавыми турниками, вечно их сопровождающи-

ми, между пальцами одинокого курильщика. Абсолютно везде. Потому что июнь. И потому что «красиво» не зависит от «уместно» и «необходимо».

А я зависаю... сейчас – на прослушивании аудио-наркотиков в непопулярной социальной сети и мыслях о том, почему я такой сложный. Доверяясь себе по-настоящему в этой нелицеприятной оценке, а не потому, что.

Это как с рассветом. Столько всего написано о нём, художественно, странно, абстрактно, неинтересно, поглощающе, пунктирно, наваристо, ногами... что всё чаще хочется увидеть тот, самый неуловимый, обычный рассвет, состоящий из 6 букв и 5 звуков.

Так вот. Сложный.

Как врождённое ожидание того, что все вокруг будут с тобой откровенны, открыты и экстремально честны. Будут также заговорщически и взволнованно, с ощущением возбуждающей привилегированности этой новой группы, приподнимать свои слепки и шептаться с тобой намного громче, чем положено. Но нет. Появляется только сложное чувство, разделённое на тебя одного.

Ещё с детства.

Я сильно плакал и потом давал старшей сестре потрогать насквозь мокрые волосы в доказательство того, как мир неправильно устроен.

(Ничего себе мы были близки).

Но сегодня я действительно хочу идти дальше. Потому

что сейчас я вижу, что всё движется вперёд. С тобой или без тебя.

Свадьбы, на которые тебя не позвали, остаются запоминающимися, индейцы теперь носят левайс, а человек без ноги совершает пробежки вдоль океана.

Наверное, этот июнь я предсказал себе намного раньше. Когда решил, что миром будут править любовь, естественность и движение, а сложным человеком – давно кем-то упрямым рассекреченные, сделавшиеся им простыми истины.

Что за окном щедро сыплются яблони на головы счастливым выпускницам из не идентифицированного года.

И это не может не радовать. Здесь и сейчас.

Потому что просто красиво.

Зодиак

Она всегда легко определяет, что я сегодня ношу между висками. По коже. По пальцам. По одежде.

По глазам редко. Стараюсь их в такие дни держать закрытыми, чтобы не усиливать симптомы.

Я родился в День космонавтики. Думаю, это ничего не предопределило. Но в то время, как одноклассники хотели быть милиционерами, строителями и охотниками, я (может, из-за низкого роста или, скорее, потому что у меня в глазах часто стояли заранее пристыженные усапой учительницей начальных классов слёзы) всегда задира голову вверх. Тогда же, наверное, пассивно сформировалось желание от-

делиться и понаблюдать.

Но вместо бычьего сердца и хромированных яиц получил неразвитые плечи и чувствительное начало.

И остался на земле, среди людей.

Я – косящий глаз прозрачного цвета с двадцатью-тридцатью несинхронно обломанными ресницами.

Друзья, неловко сталкиваясь с тем, что они так не очевидно избегали, а именно с твоими «вещами», неохотно комментируют первую и последнюю строчку, будто, набухавшись, пытаются напевать не самый популярный трек из 2000-ых.

А был бы космонавтом. Долбаным космонавтом с головной болью от кислородного голодания, испражняющимся пристегнутым к толчку и неприспособленно улыбающимся несколькими месяцами спустя перед камерами с атрофированными мышцами.

Другой же разговор. Герой.

Приземляюсь на локоть.

Кровь медленно погружается в замыленную дырку ванной.

Видел бы дизайнер журнала, в котором меня не напечатают, данный паттерн. Да и это не помогло бы им разобраться с обложкой.

Необходимо успокоение тревоги. Пусть рёбрами.

Но ты протягиваешь мне руку. В который раз.

Ведь я всегда ищу.

(Такой вот трикстер).

Что угодно.

У тебя в лице.

Между знаков зодиака из родинок, сосудов и сильно синим глазом с крепкими, устремлёнными в бесконечность ресницами.

И на том их конце зияют Ответы.

Смахни же скорее.

И полетим дальше.

Думать чувства с 2019 по 2020

Back

Бодро забрасываю вещи в чемодан. Какой-то озлобленный ублюдок в последний раз пнул его ногой, и осталась очерченная вмятина. На память о людях, которые давненько не копали. За последний месяц я, в свою очередь, устал откидывать за спину горы умершей земли. Остановился всего на пару секунд, когда упёрся во что-то твёрдое и невыносимо звучащее при контакте с камнем.

Ты, наверное, приключенчески думаешь, что это клад.

Я же заранее знаю: там ржавая банка.

Но и этого времени хватило, чтобы запыхаться. На пути к своему месту в проходе.

Я на улицах Катманду. Бодро шагаю, растворяясь в химических элементах.

Я не приехал что-то открывать или фиксировать для удушливых телефонов.

Я даже подразумевающе не посидел на каком-нибудь обрыве с видом на горы, теперь уже оттеняющие устроенный

человеком быт внизу.

С тех пор, как я родился, я не был спокоен. Но что-то в этих уличных специях, лоснящихся улыбках и настойчивом гудении колес есть, умиряющее дух.

Сейчас я эмоционально заблокирован.

Добровольное самоконвоирование до безопасной точки.

Тяжелая ноша.

Примерно, как работа хирурга. Одно неверное движение или нарушение техники безопасности – и эта двадцати трёх-летняя крошка, страстно любящая задрать рукав выше локтя и впускать в себя всякого охотного, щедро поделится с тобой миром разной неизлечимой боли и тяжело преодолимых трудностей.

Но отверстие с ушко иглы я оставил.

Поэтому, переместившись в Лондон, словил себя на мысли, что сегодняшнее утро работников Макдональдса кажется мне дружеской воскресной погожей пробежкой под инди-музыку.

Было достаточно невыносимо.

Там я много читал.

И увлёкся решением задач.

Ровно до столкновения с реальией, что нельзя делить на ноль.

Ноль.

Порожек, за который не один ползущий, пытающийся идти, зацепился и распластался.

После я полетел на Север. Грелся собранным вручную чаем и подолгу молчал с людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.